

Дэля Эриковна Цветковская

Честное лисье слово

Дэлия Цветковская

Честное лисье слово

«Автор»

2021

Цветковская Д. Э.

Честное лисьё слово / Д. Э. Цветковская — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-96994-0

Приключения компании лисят, которые в своём родном лесу учатся дружить, помогать друзьям (а иногда даже и врагам), защищать слабых, любить и прощать. Ну, совсем, как каждый из нас.

ISBN 978-5-532-96994-0

© Цветковская Д. Э., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Дух зверя-повелителя	5
Глава 2. Медведь	11
Глава 3. Рыбалка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дэлия Цветковская

Честное лисьё слово

Глава 1. Дух зверя-повелителя

В большом и диком лесу жил-был лисёнок. Он был ни большой, ни маленький – средний. Вернее, это по возрасту он был средний, а размером, пожалуй что, мелковат. Так уж случилось, что родился он тогда, когда в соседских лисьих семействах как раз никто не рождался, поэтому все лисята в округе были или значительно старше, или существенно младше его. Так что закадычных друзей у него не было – с маленькими ему было скучно, а большие не брали его в свою компанию, гнали и обижали беднягу.

Поводом для насмешек служила и его расцветка. Все лисы в лесу щеголяли роскошными рыжими шубками, а этот был какой-то бурый, почти коричневый.

Звали нашего лисёнка Фьор. Точнее, Фьора, ибо ко всем своим неприятностям лисёнок родился ещё и девочкой. А все соседские лисята – мальчиками.

Даже родной брат Фьоры, который тоже был старше, смотрел на лисёнка-девочку свысока и с пренебрежением. Фьоре было очень обидно – ну почему ей так не повезло в жизни?! Почему она – не как все, а – девочка?

Чтобы хоть как-то сгладить этот досадный недостаток, лисёнок упорно именовал себя – Фьор. Ему (то есть, ей) казалось, что так эта ущербность будет менее заметна.

Родители Фьор и Ури (так звали старшего брата лисёнка) были очень основательными лисами. Целый день они занимались добычей пропитания, постройкой, либо усовершенствованием норы и прочими весьма важными делами. Конечно же, они заботились о детях и по-своему любили их. Однако возиться и играть с малышами им было некогда, да и заниматься подобными глупостями они просто не умели.

Вот так и вышло, что Фьор была совсем одинока. Зато одиночество развило в ней воображение, и она частенько предавалась мечтам, имевшим для неё не меньшее значение, чем окружающая лесная жизнь.

Протекавший неподалёку от лисьей норы ручей впадал в большое озеро, на берегу которого Фьор проводила немало времени. Вечерами, в погожие деньки, она сидела у воды и смотрела, как садится солнце, отражаясь в воде золотой дорожкой.

Фьор представляла, что как-нибудь найдёт лодочку, или хотя бы плотик, и поплывёт по этому лучу прямо к солнцу. Потом она искупается в золотой воде, и её шубка перестанет быть такой тёмной и приобретёт желаемый ярко-рыжий цвет. А может быть даже почти-почти золотой – о таком счастье она даже боялась мечтать. И станет она никакой не дурнушкой, а самой распрекрасной лисицей. Тогда братцу Ури не придётся больше за неё стесняться, и он позовёт её играть с ним вместе.

Так сидела она и мечтала. И вот однажды случилось что-то потрясающее и дух захватывающее! Фьор нашла... нет, не лодочку, и не плотик, а настоящий клад!

Это была небольшая сумочка. Она лежала в высокой траве – бог весть, кто оставил её здесь. Фьор наткнулась на неё совершенно случайно, прогуливаясь по берегу и, как всегда, рисуя в воображении воздушные замки.

Лиска могла бы и вовсе не заметить находку, ибо шла не как все лисы – нос к земле – а любуясь дальним горизонтом и бликами на воде. По счастью, она споткнулась, зацепившись за ремешок, и сумочка таким образом была найдена.

Фьор тут же сунула туда нос, и... Ах, какие чудесные вещи там лежали! Зеркальце и губная помада, очки с разноцветными стёклышками – (левое было зелёное, а правое – розовое),

коробочка леденцов, маленькая игрушка, вроде шарманки – (если покрутить ручку, слышится мелодичная песенка) – и ещё носовой платок, такой беленький и чистенький... Правда пах он духами довольно сильно, и Фьор расчихалась от этого запаха.

О, как наша лисичка была счастлива! Она разложила свои сокровища на большом пне и созерцала их в благоговейном молчании.

Первым её привлекло зеркальце. Оно блестело на солнышке, и, поворачивая его из стороны в сторону, Фьор быстро наловчилась пускать солнечных зайчиков. Потом она поставила зеркальце перед собой и подняла глаза. Увы, собственное отражение настолько огорчило её, что Фьор поскорее перевернула зеркало обратной стороной. Тогда она намазала нос губной помадой – вдруг так она станет красивее? Украдкой взглянув в зеркало, бедняжка убедилась, что лучше от этого не стало, к тому же помада пахла как-то неприятно.

Она убрала зеркало в сумочку и принялась умываться, облизывая свой нос. Тут выяснилось, что на вкус помада тоже – не очень. Чтобы заглушить этот вкус, Фьор съела парочку леденцов, и настроение сразу улучшилось. А когда она посмотрела сквозь разноцветные стёклышки очков на солнце (только ей пришлось зажмуривать сначала один глаз, потом другой), да ещё покрутила ручку шарманки (чтоб закат был под музыку), жизнь предстала перед нею во всех своих радужных красках.

Ах, какой же сегодня чудный день! Фьор была абсолютно счастлива и не знала, что в этот миг судьба уже готовила ей западню.

Дело в том, что именно в этот день её брат Ури вместе со своим приятелем, которого звали Перфидо, случайно увидели её у озера. От нечего делать они решили проследить за ней и видели, как Фьор нашла сумочку, как радовалась всем найденным вещам, и немало потешались, наблюдая всё это.

Видели они также, как она зарыла свой клад в одном только ей известном (как она думала) месте.

Когда Фьор лёгкой радостной походкой отправилась домой, Ури предложил:

– Давай выкопаем и поделим вещички! Чур, я беру себе шарманку. Ведь это всё-таки моя сестра нашла клад!

Перфидо покачал головой.

– Нет. Это не интересно. И не очень-то нам нужно это девчачье барахло! Хотя, кое-что пригодится... Но я хочу, чтобы она нам сама это принесла.

Ури фыркнул:

– Ты не знаешь мою сестру! На вид-то она тихая, но если почует какую несправедливость, упрётся, и ничем её не сдвинешь, хоть дерись. Ничего она нам не отдаст.

– Ещё как отдаст, – коварно ухмыльнулся его приятель. – Надо только хитростью действовать. Да и развлечёмся заодно...

– Что ты задумал? – оживился Ури.

– Да уж кое-что придумал... если ты мне подыграешь.

– Когда это я отказывался повеселиться?!

– Тогда действуем так: ты должен в сумерки выманить сестру из дома, только так, чтобы она пошла одна – в дубраву, к ручью. Там, за большим дубом, есть упавшее дерево, по которому можно забраться на сам дуб. А ты тихонько прокрадись следом – увидишь, что будет!

– Решено! – воскликнул Ури.

Глаза его горели. То-то весёлый у него приятель – с ним не соскучишься!

Вечером, когда родители ушли на охоту, Ури сказал Фьор:

– Эх, жаль, что у меня сестра, а не брат! Был бы брат, я попросил бы его об услуге...

– И чем я хуже брата? – привычно расстроилась Фьор. – Я тоже всё могу! Что надо сделать?

– Ну да... – с сомнением протянул Ури. – Ты, небось, побоишься в темноте к ручью за водой сходить... Что-то пить очень хочется.

– А что ты сам не пойдёшь? – удивилась Фьор. – Если пить хочешь.

– Да у меня лапа болит, – с притворной грустью сообщил Ури. – Ушиб сегодня, а к вечеру разболелась.

Фьор живо вскочила на ноги.

– Сейчас сбегая за водой!

– Только бери у маленького водопада, где с камней стекает, а то с песком наберёшь, – учил сестру Ури. – Знаешь, за большим дубом...

– Знаю, знаю...

Она схватила фляжку и выскочила из дома. Наконец-то представилась возможность доказать брату, что и она чего-то стоит! Экий труд – за водой сгонять! Да она готова и десять раз сбегать, лишь бы брат перестал относиться к ней, как к семейному недоразумению! В суматохе Фьор и не заметила, что кто-то тенью следует за ней.

Пробежав мимо большого дуба, она подставила фляжку под струю и, полная радостных мыслей, слушала, как журчит вода. Обратного следовало идти не быстро, чтобы не расплескать. И вот тут-то...

– Стой! – сказал глухой голос. Казалось, он шёл сверху.

Фьор вздрогнула и остановилась. В конце концов, она была всего-навсего небольшим лисёнком, и к тому же девочкой.

– Что у тебя есть? – повелительно спросил Голос.

– Только вода... Я несу её своему брату – он ушиб лапу и хочет пить, – дрожащим голосом ответила Фьор.

– Что сейчас в твоих лапах – меня не интересует, – нетерпеливо перебил Голос. – Скажи, что есть у тебя? Какие сокровища?

– Сокровища? – удивилась и испугалась Фьор. – У меня н-нет никаких...

– Не лги! – прогремело сверху. – Я Дух Зверя Повелителя, и знаю всё! Так что есть у тебя, спрятанное в земле, у камня и двух маленьких ёлок?

Место было названо правильно. Он действительно вездесущ и всё знает! Какой ужас!..

– У меня... сумочка... – прошептала бедняжка, – а в ней... зеркала и помада...

– Что ещё? – требовательно спросили из темноты.

– Там... леденцы, очки и маленькая шарманка... и ещё платочек.

– Шарманку завтра в это же время принесёшь сюда и положишь у моих ног.

– Чьих ног? – робко подняла глаза Фьор.

– У дуба! – рявкнул Голос. – А посмеешь послушаться меня – никогда больше не сможешь ходить!

Малышка так дрожала, что не могла сдвинуться с места, и ей показалось, что ноги и впрямь не служат ей.

– Хорошо, – сквозь слёзы сказала она.

– Теперь иди! – приказали ей.

И Фьор, оглушённая и несчастная, пошла, прижимая к себе фляжку с водой. Вслед за ней крался брат, который с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. Однако был он и раздосадован, что его приятель потребовал от Фьор именно шарманку, хотя он, Ури, ясно дал ему понять, что сам претендует на эту вещь. Ведь если теперь сестра увидит свою игрушку у брата, то поймёт, что дело явно нечисто. Не говорить же, право слово, что он отбил шарманку «в честном бою» с Духом Зверя Повелителя!

Ури не выдержал и хрюкнул от смеха. Впрочем, он тут же зажал рот лапой и кинулся в обход бегом, чтобы успеть домой раньше сестры.

Перед тем, как войти, Фьор насухо вытерла глаза и постаралась принять беззаботный вид. Она не хотела, чтобы брат заметил, что с нею что-то произошло. Казалось, он и не заметил. Проворчал только:

– Ты что так долго?

– Шла медленно, чтобы не расплескать, – бросила Фьор. – Я спать пойду...

Она ушла в свой угол, но ей было вовсе не до сна. Пугала необходимость вновь идти к этому чудовищу. Но больше всего угнетала мысль: «Значит, я никогда не могу остаться одна. Кто-то всегда наблюдает и может сделать со мною всё, что захочет».

Свобода и радость жизни испарились. Остались несвобода и принуждение.

«Ах, я больше никогда не смогу радоваться без оглядки», – грустно думала Фьор.

И, конечно, жаль было клада.

«Да ведь он потребовал не весь! – сказала она себе, и чуть повеселела. – Буду довольна тем, что осталось».

С этими утешительными мыслями Фьор, наконец, уснула.

Но рано малышка радовалась. Когда назавтра она принесла маленькую шарманку и положила её у корней дуба, Дух Зверя Повелителя потребовал зеркальце, а на следующий день – очки с цветными стёклышками...

Фьор, конечно, поспешила съесть несколько леденцов – для поднятия настроения, но вездесущий Дух узнал про это, и в тот же вечер конфеты есть запретил, повелев принести ему всю коробочку.

Когда она приносила очередной дар, Дух требовал, чтобы она танцевала под деревом, дабы выразить тем «своё счастье» от общения с ним. И Фьор танцевала. Что же ей оставалось делать?

Но странное дело: хотя требование было издевательским, танец приносил ей облегчение. Танцуя, она отрешалась от того, что окружало её, волшебным образом забывая о страхе и тоске.

Жизнь потеряла для неё свои краски. Фьор больше не любовалась закатом, не бегала и не резвилась в траве. Она собирала орехи (хоть терпеть их не могла) и приносила под большой дуб – так приказал Дух Зверя Повелителя.

Да-да. Перфидо разошёлся во всю – он вошёл во вкус «игры». Ури, правда, казалось, что шутка слишком затянулась и перестала быть забавной. Но он не знал, как остановить процесс, не раскрыв своего в нём участия.

– Слушай, – сказал он как-то, – давай прекратим это. Фьор уже сама не своя. Она разучилась смеяться, и это уже не смешно.

– Я тебя не заставлял, – усмехнулся приятель. – Хочешь – выходи из игры. Я и сам справлюсь.

– Я не шучу, – рассердился Ури. – Оставь Фьор в покое!

Перфидо прищурился:

– Что-то раньше ты о ней не заботился. То-то ей будет интересно узнать, как собственный братишка веселился. И родителям – тоже...

Ури повернулся и пошёл, бросив через плечо:

– Я тебя предупредил. Если ещё раз... Попробуй только!

Через несколько дней Ури возвращался с удачной охоты. Он нёс куропатку и был очень доволен и горд собой. Под большим дубом он увидел Фьор, которая стояла и отрешённо глядела вдаль.

– Эй, ты что тут делаешь? – крикнул он сестре. – Пошли домой!

– Я не могу, – прошептала та. – Дух Зверя...

– Дух Зверя Повелителя тут больше не живёт, – перебил её брат.

– Ты знаешь его? – удивилась Фьор.

Ури спохватился, что чуть не выдал себя. Он хотел было сказать, что просто пошутил. Но в этот момент...

– Оставь куропатку и уходи, – прошипел кто-то сверху, – тогда цел останешься.

Ури всерьёз разозлился. Что этот Перфидо себе позволяет?! Надо будет с ним разобраться окончательно! Давно надо было...

– И не подумаю! – крикнул он в тёмную крону. – Приди и возьми, если такой смелый!

Ури был уверен, что Перфидо не слезет с дерева и не разоблачит себя, и потому пошёл себе спокойно дальше, не оглядываясь. А зря...

Сдавленный крик Фьор: «Ури!» – заставил его обернуться. Краем глаза он успел заметить метнувшуюся к нему с дерева тёмную тень.

«Лисы с деревьев не бросаются», – успел подумать Ури, и в этот миг острые зубы расправили ему щёку от уха до носа. Поворот головы спас его от мгновенной смерти.

От боли Ури вскрикнул и бросил куропатку, мешавшую ему принять бой. Отступать он не собирался – кто бы ни напал на него.

Однако противник был хоть и меньшего роста, но явно опытнее и свирепее лисёнка. К тому же кровь из рассечённой щеки заливала тому глаза.

– Фьор, помоги мне! – крикнул Ури.

И в былые времена сестра не раздумывая бросилась бы в любую схватку, на помощь брату – она никогда раньше не отступала.

Но сейчас, отбросив на несколько секунд жестокого врага, Ури с ужасом увидел, что Фьор стоит на том же месте, где стояла, и дрожит всем телом. Дух Зверя Повелителя сломил её волю – у неё не было сил бороться.

В эту минуту понял он, что сам погубил самого верного своего помощника и друга – ту, которая «всегда за тебя», отдав её на потеху глупому и злому приятелю; что отныне он – без поддержки, и что одному ему, похоже, не выстоять в этой битве.

Ури отбивался всё слабее. Чувствуя, что силы на исходе и конец близок, он крикнул:

– Прости меня, Фьор!... – и закрыл глаза.

Но вдруг враг его отпрянул со злобным воплем, и Ури понял, что кто-то пришёл ему на помощь.

Незнакомый лисёнок, ростом чуть побольше Фьор и поменьше самого Ури, дрался умело. Воспрянув духом, Ури собрал последние силы и вцепился в противника со своей стороны.

«Вдвоём – это не одному...» – с благодарностью думал он, тесня врага. И всё же, даже вдвоём, лисятам приходилось трудно.

В свете взошедшей луны Ури разглядел, наконец, что их противником была взрослая куница – жестокий и опасный убийца.

Вдруг, со всхлипом, Фьор сорвалась с места и подбежала к дерущимся. Раздался звук – «Улп!» – и грозный враг покатился по земле, задыхаясь и раздирая когтями собственную морду. Докатившись до ручья, куница шлёпнулась в воду и исчезла из виду.

Тяжело дыша, лисята поднимались с земли. Ури шатался – всё тело болело нестерпимо.

– Спасибо за помощь, – с трудом произнёс он.

Незнакомый лисёнок кивнул и повернулся к Фьор. Глаза его смеялись.

– Вот это бросок! Прямо в пасть угодила! Что это было?

Фьор с шумом выдохнула воздух. Казалось, она проснулась и с удивлением оглядывает новый мир.

– Орех... Большой орех... для Духа Зверя Повелителя, – тихо сказала она.

– Какого-такого Духа? – возразил пришлый. – Это была всего-навсего куница.

– Ты не понимаешь... – пробормотал Ури. – Сначала был другой... Это я виноват...

Уши его пылали, и не только от ран. Ему было нестерпимо стыдно.

– Нет. Именно куница, – твёрдо заявил незнакомец, приблизив свою морду к Ури и пристально глядя ему в глаза. – Я наблюдал за этим бандитским деревом пару дней, и как раз намеревался вмешаться...

Ури понял, что этот новенький всё знает, но опять выручает его.

– Кто ты? – спросил он.

– Я совсем недавно в этих краях, – незнакомый лисёнок опустил голову, голос его стал глух и печален. – В нашем лесу случился пожар, и я потерялся – не знаю, где теперь моя семья. Всё было в дыму. Я долго бежал... и вот я здесь. Меня зовут Фидо.

– Как?! – вскинулся Ури. – У меня есть приятель... Вернее, был... – поправился он, – которого зовут Перфидо.

– Иногда половину имени не грех и пропустить – даже лучше будет,^{X)} – засмеялся Фидо. – Так вы принимаете меня в свою компанию?

«Вы?!» – Фьор хотела ответить, что компании-то как раз и нет. У них каждый – сам по себе.

– Принимаем! – решительно ответил Ури.

У Фьор даже лапы вспотели от такого. Что он говорит!

А Фидо сказал, обращаясь к ней:

– Ты самая красивая лисичка, которую я когда-либо видел! Правда-правда... Твоя тёмная шубка очень элегантна. И ты потрясающе танцуешь...

– К тому же она здорово бросается орехами! Моя сестра всегда была меткой! Глаз-алмаз! – подхватил Ури.

– Опять издеваетесь? – обиделась Фьор.

– Что ты! Правду говорим! Честное лисье слово! – в два голоса воскликнули лисята-мальчики.

– Ведь мы – одна компания, и даже если мы шутим – обижаться не стоит. Не будешь? – сказал Ури.

– Честное лисье слово... – эхом откликнулась Фьор.

Глава 2. Медведь

Однажды вечером Фьор сидела у входа в нору и смотрела на небо. Оно было такое странное – тёмно-серое и низкое-низкое. Будто тучи так отяжелели, что с трудом держатся наверху и вот-вот упадут на землю. А как холодно!

«Наверное, будет дождь», – подумала Фьор. Настроение у неё тоже было странное: с одной стороны – грустноватое, потому что она очень соскучилась по солнышку, которое давно не показывалось, скрытое густыми облаками; а с другой стороны – какое-то «ожидательное», словно должно было случиться что-то новое и очень интересное.

И оно случилось! Сверху стали опускаться белые пушинки. Сначала их было немного, и Фьор пыталась уследить за ними всеми одновременно. Она выскочила наружу, задрала носик к небу и открыла рот, стараясь поймать их. Всех, конечно, не удалось – они были такие вёрткие! Но парочка попала ей на язык, и они оказались очень холодными. Кружась и танцуя на фоне голых серо-коричневых деревьев (листья с них давно облетели), пушинки достигали земли и ложились на сухую траву. Совершенно бесшумно. Их становилось всё больше и больше, и скоро всё, что только что было серым, бурым и чёрным, стало белым. И трава, и кусты, и деревья. Это было красиво и очень странно. Фьор смотрела на эту картину, как зачарованная. Но тут из-за кустов вынырнул Ури.

– Эй, ты что тут торчишь под снегом? – крикнул он. – Это у кого горло вчера болело? Забыла, что родители тебе запретили сегодня из дому выходить?

– Под чем торчу? – спросила Фьор. Напоминание про горло она проигнорировала.

– Под снегом! Ты что, снега не видела?!

– Ах, вот как... Это, значит, снег... – Фьор задумчиво рассматривала пушинки, пытаясь вспомнить, видела ли она такие прежде. Но что-то не вспоминалось.

Ури засмеялся.

– Вот чудачка! Снега не знает! А впрочем... – он встрянул намокшими задними лапами (сначала одной, потом другой), – ты, может, и впрямь не помнишь. Ты ещё совсем маленькая была, когда снег в прошлый раз был.

– Что ж ты мне не рассказал? – Фьор укоризненно посмотрела на брата. – Он такой... необыкновенный.

– Да о чём тут рассказывать? – пожал плечами Ури. – Вот он пошёл, и сама всё увидела. Так всегда бывает, когда осень становится зимой – вместо дождя идёт снег. Самый обычный снег. Он тебе за зиму так надоест ещё!

– Не надоест, – возразила Фьор, ловя хвостом крупные снежинки. – Я поняла. Зима – это когда снег. Холодно, но весело.

– Пошли домой, – скомандовал Ури. – Забыла про горло?

Лисичка вздохнула и нехотя поплелась за братом. У неё и вправду вчера болело горло. Наверное мама права – это из-за холодной воды, которой Фьор напилась из ручья после долгой тренировки. Они так вчера набегались! И Фидо тоже участвовал. Жалко только, что ему не всегда удаётся выкроить время для игр. Ури говорит: «Он учится охотиться. Ему надо добывать еду».

Фьор очень нравился новый друг. Он такой вежливый и внимательный... – чего не скажешь о её брате. Тот частенько по старой памяти поднимал сестру на смех, но Фьор старалась не обращать внимания – терпела. Ведь он всё-таки теперь общался с ней на равных... ну почти. И потом, она же дала слово – честное лисье слово! – не обижаться. Вот она и не будет.

Придя домой, Ури сказал:

– Давай-ка поешь сушёной малины – и в постель. Малина, она знаешь как от горла помогает!

Хотя горло у неё уже почти не болело, Фьор не стала спорить и сделала всё, как велел брат. Всё-таки хорошо, когда он о тебе заботится. Пусть и важничает немного...

А утром лисичка чувствовала себя совсем здоровой. Только открыв глаза, она увидела возле постели огромный красно-оранжевый букет из веток рябины. Ягоды горели так ярко, что казалось, в их нору заглянуло солнышко. Расширив зрачки, Фьор смотрела на букет. Вошёл Ури.

– Это ты?.. – прошептала Фьор, переводя взгляд на брата.

– Нет, – ответил Ури. Вид у него был несколько озадаченный. – Это не я. Не знаю, кто принёс. Но не родители. Лежал на пороге...

Фьор одним махом выпрыгнула из постели. Ухватив сразу несколько ягод она мигом их проглотила.

– Ого! Вкусные!

– Ты что – так сразу?! Может, они ядовитые! Может, кто-то нарочно подсунул! Сначала понюхать надо – как следует! – всполошился Ури.

Но сестра беззаботно рассмеялась:

– Самые что ни на есть рябиновые! Только этим самым... снегом пахнут. Сам попробуй!

Ури осторожно взял ягодку, будто та могла его укусить, и долго рассматривал со всех сторон. Потом неуверенно сунул за щеку. И тут уж не выдержал, расплылся в улыбке:

– И вправду... вкусные.

Выглянув из норы, Фьор увидела такое, чего никогда ей ещё видеть не доводилось (во всяком случае, она такого не помнила): весь лес был укрыт толстым слоем снега. Его за ночь напало столько, что трудно было вообразить, как это он весь помещался в той, хотя и маленькой, туче. Но видно, отдав весь хранившийся в ней запас, туча иссякла и исчезла – на небе сияло солнце! Отражаясь в снеговых кристалликах, оно посылало теперь огоньки-вспышки во все стороны, и снег сиял, сверкал, наполняя весь лес чистотой и праздником.

И Фьор, и даже Ури кинулись носиться по снегу, оставляя на нетронутой его поверхности зигзаги своих следов. Они кувыркались и визжали, выплёскивая буйный восторг и щенячью радость, поднимающуюся прямо из глубин их существа. Наконец, Ури вспомнил о том, что он уже большой, и ему не пристало вести себя как маленькому.

– Гм... – произнёс он и отряхнулся. Снег разлетелся вокруг, а его шубка встопорщилась так, что показалось, будто он вдвое увеличился в размерах. – Тебе надо помнить некоторые важные вещи...

– Какие-такие важные?.. – закричала Фьор и перекувырнулась через голову. – Ой, Ури, ты стал такой пушистый и красивый! А я? Я тоже стала красивая?

Она попыталась заглянуть себе за спину, чтобы увидеть, распушилась ли её шерсть, но так и не смогла понять – да или нет. Ури же принял вид строгого учителя и постарался вернуть сестру из заоблачных высот на заснеженную землю.

– Послушай, – сказал он, – зимой бегать – это тебе не летом, и не осенью...

– Точно! – воскликнула Фьор. – В снегу так здорово кувыркаться!..

– Зато следы твои отпечатываются! И всякий видит, куда ты ходила! Ты что, не понимаешь? Это совсем не здорово! – вышел из себя Ури.

Фьор остановилась и растерянно огляделась.

– Ой, и правда... Мы тут порядочно наследили. Что же теперь делать? – она круглыми глазами смотрела на брата.

– Надо хвостом замечать следы. Смотри и учись!

Ури пошёл по поляне, плавно поводя пушистым хвостом направо-налево. Снег был влажный, и следы его глубоко впечатывались, поэтому совсем замести их лису не удалось. Заметив это, он принял скучающий вид и небрежно бросил:

– Ну, вот как-то так... Ты пока потренируйся, а я по делам...

Фьор серьёзно кивнула и принялась прохаживаться взад-вперёд, старательно подметая хвостом. Но оглянувшись, она увидела ровную цепочку следов, по которым будто бы проехали тряпкой.

– Ури-и! – закричала она вслед удаляющемуся брату. – У меня не получается-а!

– Ничего-о... Ты тренируйся-а! – раздалось из-за кустов, и Ури исчез в лесу.

А Фьор осталась на поляне, озадаченно разглядывая множество переплетающихся следов и широкие ямы, которые они нарыли, прыгая по снегу.

– Ума не приложу, как теперь это убрать и сделать снег снова ровным, – пробормотала лисичка себе под нос.

Она, конечно, попыталась замечать особенно глубокие рытвины, но это удавалось плохо – от её топтания появлялось только ещё больше следов. А хвост совсем намок и отяжелел, потому что солнце поднялось и снег стал подтаивать. Совсем выбившись из сил, Фьор поплелась домой. Её огорчало то, что она не смогла выполнить наказ брата насчёт замечания следов. «Но это просто немыслимо, – сказала она себе, – мне никогда этому не научиться». Ну почему даже такая замечательная вещь, как снег, обязательно имеет какие-то неприятные стороны! Следы... Разве можно от них уберечься? «Надо будет спросить у мамы, – решила Фьор. – Вот придёт вечером, и спрошу».

Но вечера ждать не пришлось. Всё разрешилось гораздо раньше. Когда лисичка, отдохнув от трудов, вновь вылезла из норы на свет, она увидела, как её брат весело играет в догонялки с Фидо, вовсе не заботясь о множестве следов, оставляемых ими на снегу.

– Эй! – закричала Фьор. – А кто же будет замечать следы?!

– А зачем их замечать? – удивился Фидо, подбегая к ней. – Давай с нами. Ты салка! – он коснулся оторопевшей лисички и кинулся в сторону со всех ног.

Фьор нерешительно включилась в игру. Нет, что-то тут не сходились концы с концами. Пробегаая мимо брата, она вопросительно взглянула на него.

– Так как быть с этими следами? – вновь спросила она.

Ури смущённо смотрел в сторону. К ним подбежал Фидо.

– Вы о чём? – спросил он.

– Брат сказал, что нельзя просто так бегать по снегу. Надо замечать за собою следы, – упрямо повторила Фьор. И пояснила: – Ну, чтобы никто не догадался, куда ты шёл.

Фидо удивлённо глянул на Ури, а тот в этот момент стал что-то усиленно искать на кончике своего хвоста.

– Знаешь, следы не обязательно замечать... – медленно начал Фидо.

– Не обязательно?..

– Нет. Точнее, замечать их можно, только когда мороз и снег пушистый, и когда по насту бежишь, по твёрдому... А когда обычный снег, их не замечать, а путать надо.

– Точно! – оживился вдруг Ури. – Я ей так и говорил: «Учись путать следы!»

– Ничего подобного, – не согласилась Фьор. – Ты говорил – замечай!

– Неужели? – брат деланно удивился. – Это я оговорился... или ты неправильно услышала.

– Так ты же и хвостом показывал – вправо-влево...

– Ну, может и показывал, – Ури выкручивался, как мог, чтобы не уронить своего авторитета, – просто не учёл, что снег от солнца сырой сделался. Зима-то, сама знаешь, сегодня первый день. Поди разберись так сразу!

– Да хватит вам спорить, – пришёл на помощь приятелю Фидо. – Давайте лучше вспомним, как «лисьи петли» на снегу крутить, чтоб никто ваших следов распутать не мог.

Ури с благодарностью взглянул на Фидо: вечно он выручает его в трудные моменты. А тот тут же принялся показывать друзьям, как это делается. И Ури, и Фьор смотрели со вниманием, потому что каждому сразу было видно: Фидо и впрямь неплохо справлялся с лисьей наукой.

Вскоре все трое с энтузиазмом придумывали всё новые и новые прыжки и увёртки, которые хоть кого могли сбить с толку – такой замысловатый и петляющий получался след. И пойдя тогда разберись – в какую именно сторону шла эта хитрая лиса. Теперь-то Фьор всё стало ясно – как и что делать. Это оказалось даже очень интересно. А Фидо всё поглядывал на Фьор, словно хотел о чём-то спросить, но никак не решался. Так и ушёл домой. Впрочем, где его дом ни Ури, ни Фьор не знали – он никогда им не показывал.

После того дня брат с сестрой не так часто бегали по лесу. Потому что следующий месяц выдался до того снежным, что трудно было себе представить: снег валил почти каждый день. По лесу намело такие сугробы, что как выйдешь, так и проваливаешься прямо по брюхо – тут уж не порезвишься особо. Но в первый же погожий денёк лисята отправились на прогулку.

Лес преобразился. Знакомые места выглядели зимой совсем по-другому. И хотя пробираться по снегу было непросто, настроение у обоих было замечательное. Небо голубело, снег искрился на солнце. Самое время заняться чем-нибудь весёлым!

– Интересно, что поделявает Фидо, – сказала Фьор. – Мы так давно его не видели.

– Да уж! Хорошо бы его разыскать, – согласился Ури.

– Ты знаешь, где он живёт?

Брат отрицательно помотал головой.

– Нет. Обычно мы в лесу где-нибудь встречались, или он сам к нам прибегал, ты же знаешь.

– Пойдём вдоль ручья к озеру, только по верху, – предложила Фьор. – Здесь такое яркое солнышко, а я по нему соскучилась. И потом отсюда всё хорошо видно, может заметим где-нибудь Фидо. Наверняка он тоже гуляет в такую прекрасную погоду.

Ури не возражал, и они двинулись по бровке склона, внимательно оглядывая округу – не мелькнёт ли где-нибудь рыжая шубка.

– Ой, смотри, какие красивые!.. – воскликнула вдруг Фьор и показала на большую ёлку, росшую ниже по склону. Вершина её была почти вровень с гребнем, по которому шли лисята. А на вершине ёлки висели малиновые чешуйчатые шишки. – Я сейчас достану себе одну!

И прежде чем брат успел что-то ответить, лисичка прыгнула изо всех сил, в надежде допрыгнуть до ёлки и ухватить заветную шишку. Падать она не боялась – ведь снег, он мягкий, как толстенная перина – ни за что не ушибёшься. Долететь до ёлки ей не удалось – толчка-то хорошего не получилось. Да и как он мог получиться, если под лапами не было твёрдой опоры. Вместо этого Фьор перекувырнулась в воздухе и приземлилась в пушистый снег. Забарахталась, стараясь выбраться, но не удержалась на крутом склоне и заскользила вниз, к руслу ручья.

– Э-эй! – закричал сверху Ури. – Осторожней! Там вода под снегом! Тромози-и!

Он отломил еловую ветку и, ловко оседлав её, помчался с горы, как на ледянке, вдогонку за сестрой.

По счастью, Фьор застряла внизу в огромном сугробе и избежала опасного места, где могла провалиться в ручей. Не то не миновать бы ей жестокой простуды, не говоря уже о том, что весёлая прогулка на этом бы и закончилась – ведь пришлось бы срочно возвращаться домой.

Ури начал было ворчать на сестру: что это вдруг взбрело ей в голову прыгать на ёлки! И на кой ей сдались эти шишки! Могла бы вообще разбиться, кабы не снег!

– Кабы не снег, я бы и не прыгала, – весело отмахнулась Фьор. – А шишки очень даже красивые! Жалко, что мне ни одной не досталось... Ну, пожалуйста, Ури, не сердись! Давай лучше с горы покатаемся! Я и не знала, что это так здорово! Летишь – и сердце замирает... У-ух!..

– Ладно, давай... – пробурчал Ури, меняя гнев на милость. – Но учти, если съедешь в ручей и промокнуешь – заболеешь. И тебя тогда из дому долго не выпустят. Так и будешь в норе сидеть, пока зима не кончится.

– Не съеду, не съеду... и в воду не попаду-у... – пропела Фьор. – Я буду в этот сугроб целиться, – показала она на место своего благополучного прибытия сверху. Потом огляделась и уточнила: – Или вон в тот... Он ещё больше.

Ури повернулся посмотреть, куда это его сестра собирается съезжать на еловой «ледянке». Огромный снежный бугор в самом низу склона, практически на дне оврага – интересно, что там внутри, под снегом? Чем-то этот сугроб показался ему подозрительным. Надо посмотреть поближе. И Ури направился к бугру, чтобы удостовериться, что место это не опасное, что внутри под снегом не торчит здоровенный камень и что внизу под бугром не журчит незамёрзший ручей. А Фьор пошла за ним и обошла бугор с другой стороны.

– Ури, посмотри-ка!.. – позвала она. – Этот холм живой! У него тут маленькая дырочка, и он в неё дышит – парок идёт.

Брат подошёл взглянуть и замер на месте, не отрывая глаз от того отверстия, откуда и впрямь поднимался пар.

– Не ори! – разобрала Фьор его слова, произнесённые настолько тихо, насколько только можно было, но при этом казалось, что сам Ури как будто орал. – Беги! Вверх! Молча!..

Фьор испугалась. Её брат никогда ничего не боялся! Что это с ним!? Она не стала выяснять – что да как – и бросилась бежать со всей возможной прытью, как и велел Ури – молча. Брат не отставал от неё ни на шаг. Выбравшись на верх холма, они остановилась отдышаться и оглянулись. Всё было тихо. Ни живой бугор, ни его возможный обитатель не гнались за лисятами. Ярко светило солнышко, и вообще вся картина окружающего леса выглядела столь мирно, что Фьор совершенно успокоилась.

– Ты чего?! – приступила она к брату. – Что тебе примерещилось?

– Примерещилось, – фыркнул тот. – Ты ещё глупая и не понимаешь...

– Чего?

– Медведь, – коротко ответил Ури.

– Медведь?! – прошептала Фьор. Глаза у неё стали большими и круглыми, как пуговицы от пальто. Конечно, ей не приходилось ещё видеть медведей, но она уже много о них слышала – какой это большой и серьёзный зверь. – Но ведь папа говорил, что медведи у нас здесь не живут! – Голос её чуть дрожал.

– Вчера – нет, а сегодня – да, – мрачно проговорил Ури. – Значит, забрёл как-то... что его никто не видел. А то знаешь, какой звон бы пошёл по лесу! И нас бы родители ни за что одних гулять бы не пустили...

– И нам пришлось бы всё время сидеть в норе?! – ужаснулась Фьор. Такая перспектива показалась ей едва ли не более страшной, чем встреча с медведем, от которого можно было, в случае чего, и убежать... а может, и договориться.

Ури помолчал немного. Он раздумывал.

– Пожалуй, нет. Не пришлось бы. Вообще-то, медведи злые только когда очень голодные, то есть зимой. Поэтому хорошо, что зимой они впадают в спячку и спят до весны. Но если кто-то медведя разбудит – ну, случайно... если громко кричать будет, или вдруг с горки прямо к нему в берлогу влетит... – Ури выразительно взглянул на сестру, – тогда конечно... выскочит и съест! А потом станет, как неприкаянный, шататься по лесу и есть всех, кого ни встретит. И таких называют – медведь-шатун. Страшное дело!

Фьор поёжилась и с беспокойством посмотрела в сторону ручья.

– Как ты думаешь, мы его не разбудили?

– Надеюсь, что нет...

– А вдруг его кто-нибудь другой разбудит? Никто же не знает, что он тут спит!

– И не должен узнать, – решительно сказал Ури. – Потому что если узнают... сама понимаешь. Так что помалкивай.

– Совсем-совсем никому нельзя говорить? Даже маме?

– растерянно спросила Фьор. Хранить такую важную тайну показалось ей слишком трудным делом. И чересчур ответственным.

– Ни-ко-му! – отчеканил брат. – Пошли отсюда.

Он повернулся и побрёл в сторону озера, а сестра, вздыхая и оглядываясь, последовала за ним. Некоторое время лисята шли молча. Каждый думал о своём. Точнее, оба думали об одном и том же – о медведе, но по-разному. Наконец, Фьор не выдержала:

– Нет, ты представь только, вдруг медведь всё-таки проснётся! А еды нету... Я так думаю: раз мы первые узнали, что он тут, и никому про него не скажем, придётся принести ему что-нибудь поесть. Положим перед дырочкой, откуда пар поднимался, и...

– Ты что, с ума сошла? – перебил сестру Ури. – А если кто-то по нашим следам пойдёт и берлогу найдёт? Или еду, которую мы оставим? Тут тако-о-е начнётся!..

– Не начнётся! Мы вокруг так наследили, что никто и не разберётся – где начало, где конец. Помнишь, как Фидо показывал? А еду поглубже засунем, и снегом снаружи замаскируем, чтоб только изнутри видно было... ну, если он проснётся. К тому же так мы всегда сможем проверить – вставал медведь или нет. Если еда на месте, значит всё в порядке – спит... и мы можем спокойненько себе гулять!

Ури остановился и уселся в позу раздумья. Потом поскрёб за ухом.

– Хм... что-то в этом есть... То есть, это будет как проверка. И если даже проснётся, то может, поев, снова заснёт. А коли вдруг кто другой пожалует, мы же отличим его следы от своих, ведь так? А уж медвежьё и подавно... – размышлял он вслух. – А голова у тебя варит, сестрёнка!

У Фьор даже ушки порозовели от гордости. Не так-то просто заслужить одобрение её брата! Лисята развернулись и заспешили к дому.

– А что ест медведь? – спросила Фьор по дороге.

– Ну... он всё ест, – ответил Ури, но в голосе его не было уверенности. Видимо потому, что среди его знакомых не было ни одного медведя. – Сейчас посмотрим, чего у нас в кладовке много, и возьмём немножко... чтобы было незаметно.

Больше всего оказалось в запасе сухих мышей. И ещё всяких ягод: брусники, клюквы и прочих. Фьор сморщила носик:

– Думаешь, ему это понравится?

– Это лучше, чем ничего, – заметил брат. – Ты бери ягоды, а я мышей.

Они крадучись вышли из норы и пустились бегом к ручью. Подсунув продуктовый паёк в дырочку, из которой по-прежнему поднимался парок, и выстроив целый снежный вал для маскировки, лисята принялись бегать и кружить вокруг, пока весь склон не покрылся причудливым рисунком разбегающихся во все стороны следов. Напоследок они пару раз съехали с горки, строго придерживаясь в качестве финиша того сугроба, в который приезжали в прошлый раз, а никак не «медвежьего». Впрочем, первоначальный страх перед большим зверем как-то размылся. Ведь это теперь был «их» медведь, которого они взялись кормить, то есть почти что свой, знакомый.

На следующий день и Ури, и Фьор оказались заняты помощью по хозяйству. Маме отчего-то пришлось в голову поменять все постели. А поскольку они были устроены в основном из мха, то всему лисьему семейству пришлось этот самый мох добывать – откапывать из снега на болоте и таскать в нору. Кроме папы-лисы, разумеется. Тот, как всегда, отправился на охоту.

Вечером, как только лисята освободились, Ури шепнул сестре:

– Пойдём, посмотрим, как там... берлога?

Наверное, он целый день только об этом и думал. И Фьор, хотя и очень устала от «смены постелей», никак не могла остаться в стороне. По правде говоря, ей тоже было страшно любопытно – не проснулся ли медведь.

Уже в сумерках лисята побежали к знакомому склону. Никаких подвижек заметно не было. Нетронутый снег синел на «медвежьем» бугре. Ури посмотрел вниз – он, конечно, был рад, что всё тихо-спокойно, но Фьор почудилось, что брат всё-таки и чуть-чуть разочарован.

– Всё спокойно, можно возвращаться, – сказал он.

– Давай всё ж скатимся с горки, хоть разок, – попросила сестра. – Зря, что ли, сюда шли?

Она мигом прыгнула на еловую ветку, лежавшую наготове, и заскользила вниз. Ури – за ней.

Внизу Фьор подбежала к берлоге и осторожно заглянула за снежный вал, воздвигнутый ими вчера. Еда исчезла. Лисичка тихонько ахнула и вскинула глаза на брата, который как раз подошёл следом.

– Он всё съел, – прошептала она и беспокойно завертела головой, словно опасаясь, что из-за ближайшей ёлки сейчас появится хозяин берлоги, и тогда им несдобровать.

А Ури опустил нос к самому снегу и стал изучать следы поблизости.

– Только наши... – пробормотал он, и озадаченно почесал за ухом. – Снаружи никто не подходил, это точно...

Лисята не сговариваясь помчались прочь. Остановились только вверху склона.

– Похоже, сушёные мыши ему понравились, – отдуваясь, заметил Ури и оглянулся на берлогу.

– И ягоды тоже... – эхом откликнулась Фьор.

– Завтра принесём ещё, – решил Ури. – Пойдём...

И лисята отправились домой, немного встревоженные, но и заинтригованные происходящим.

Так и пошло: каждый день они приносили «продуктовый паёк для медведя», каждый день дотошно проверяли следы вокруг берлоги и каждый день еда пропадала, хотя никаких чужих следов им обнаружить не удавалось.

Ури очень не хотелось верить, что медведь проснулся и теперь с аппетитом поедает лисью еду. Гораздо спокойнее было бы выяснить, кто так ловко ворует съестное прямо у них под носом. Чего только не придумывали лисята: и в засаде сидели, наблюдая за берлогой, и свежий снег вокруг набрасывали – чтоб ни одного следа, ни своего, ни чужого... Всё одно – следов никаких, и ни души вокруг ни разу не видели, а съестного – раз, и нету!

Примерно через неделю после того, как лисята начали кормить медведя, они встретили Фидо, которого так долго не видели. Он очень исхудал за это время – видно, трудно ему приходилось этой зимой.

– Привет! – закричала Фьор, кидаясь к приятелю. – Где ж ты пропадал? Что нового?

Фидо слабо улыбнулся.

– У меня ничего нового... А у вас?

– А у нас... – начала Фьор с азартом, – ой!.. – Это Ури как бы нечаянно наступил ей на хвост, да ещё как больно!

– Нас мама по делам послала, – как ни в чём ни бывало объявил он, – а Фьор всё отвлекается... когда нам надо торопиться. Прости Фидо, очень спешим... Скоро увидимся, пока... – и Ури потащил за собой оторопевшую сестру.

Как только они скрылись с глаз своего друга, брат отпустил Фьор. Та была очень раздосадована и сердита.

– Ты что?! Куда это нас мама послала? Ты зачем обманул Фидо?! – выкрикнула она. – Он же наш друг! И мы его так давно не видели... Да ещё и хвост мне отдал!

– Потому что ты чуть не проболталась про медведя! – парировал брат. – Я же видел! Ещё бы секунда – и всё!

– Но почему Фидо нельзя всё рассказать?! – Фьор была настолько изумлена, что даже забыла про хвост.

– Никому нельзя. Даже другу! – твёрдо ответил Ури. – Вдруг у него окажется другое мнение, и он захочет оповестить всех, раз это опасно. Я тебе уже говорил... и мы условились...

– Хорошо, – прошептала Фьор, опустив голову, – я поняла. Ты видел, какой он худой? Может, он болел. А мы даже не спросили...

Ури почувствовал укол совести. Разве Фидо когда-нибудь подводил его?

– Да, – пробормотал он, – получилось не очень... – Но тут же добавил в своё оправдание: – Это потому так вышло, что девчонки не умеют держать язык за зубами!

– Это я-то?.. – вскинулась Фьор.

Она обиделась и отвернулась. Но брат уже и сам понял, что погорячился. И с Фидо плохо вышло. Наверное, стоило ему рассказать всю эту историю. Он всегда что-то дельное говорит. Эх, совсем стал дёрганный из-за этого медведя!

Ури вздохнул и сказал примирительно:

– Не злись... Это я что-то нервничаю. Неужели нам этого медведя до весны кормить придётся? Вдруг родители заметят, что припасы в кладовой уменьшаются...

Слёзы, выступившие было на глазах сестры, тут же испарились. Ей стало жалко брата – вон, оказывается, как он переживает. К тому же Фьор чувствовала себя немного виноватой: ведь это ей первой пришла в голову мысль покормить медведя.

– Можно завтра ему рябины отнести. У меня ещё много осталось. Ты знаешь, я её берегла, но раз такое дело... Ой, я забыла тебе сказать! – вспомнила она. – Мне показалось, что сегодня, когда я положила в берлогу еду, парок не поднимался.

Ури замер на месте.

– И ты мне ничего не сказала?!

– Я не была уверена, хотела тебя позвать, чтоб ты посмотрел, – оправдывалась Фьор. – А потом мы встретили Фидо.

Час от часу не легче! Неужели всё было зря, и медведь всё-таки проснулся окончательно и вылез из берлоги? Посреди зимы!.. Что теперь будет в лесу?

– А следы?.. Следы вокруг ты проверила? – упавшим голосом спросил Ури.

– Проверила! – уверенно заявила Фьор. – Следы были только наши, лисьи. Других не было.

– Ну что ж... Завтра спозаранку принесём ему рябину. И всё остальное поглядим...

Каким же уставшим чувствовал себя лисёнок, взявший на себя смелость удерживать в берлоге медведя.

Но на следующий день всё было как обычно: еда исчезла, а над отверстием в снегу поднимался парок.

– Спит, – облегчённо выдохнул Ури, – или по крайней мере дремлет.

Фьор положила на обед невиданному ими зверю обещанную рябину, и ягоды так красиво адели на снегу. Но пришлось, как всегда, их замаскировать снежным укрытием, чтоб никто другой не увидел и не позарился на медвежью еду. Когда возвращались обратно, Ури сказал:

– Знаешь, я решил: снова буду охотиться, как папа! А то совсем разучился – на снегу непривычно... Но я привыкну... – и закончил совсем по-взрослому: – Медведя нашего сам должен прокормить.

– И я, и я... – заволновалась сестра. – Я тоже буду охотиться! Ты же меня научишь, правда? И тогда мы вместе сами прокормим нашего медведя.

Брат кивнул.

– И Фидо всё расскажем...

– Обязательно! – обрадовалась Фьор. – Пойдём сейчас же и разыщем его...

Но приятеля своего лисята встретили только на следующий день. Там же, где и в прошлый раз – на водоразделе над ручьём, неподалёку от «медвежьей берлоги». Завидев друг друга, они кинулись навстречу со всех лап:

– Фидо! Наконец-то...

– Фьор! Ури! Спасибо!..

– Мы так соскучились! – воскликнула Фьор.

– Ты, наверное, хотел сказать «Здравствуйте», – засмеялся Ури, – а вышло – «Спасибо»...

Это от волнения!

– Нет, я хотел сказать вам именно – «Спасибо»! – чуть смущённо глядя на брата с сестрой сказал Фидо. – Ну, и «Здравствуйте» тоже, конечно...

– А за что – спасибо-то? – удивился Ури.

– За то, что вы меня спасли...

– От кого? Как? – Лисята непонимающе смотрели на своего друга.

– От голода, – серьёзно ответил тот. – Я сразу подумал, что это вы. Но вчера всё стало окончательно ясно... Когда вы рябину принесли.

Минуту трое лисят смотрели друг на друга молча, пока в головах каждого из них шёл процесс осмысления всей ситуации. Первой не выдержала Фьор. Она фыркнула от смеха, и не в силах больше сдерживаться повалилась на снег, корчась от хохота.

– Ой, не могу, – стонала она, – медве-едь!.. Съе-ест!.. А-ха-ха...

Ури соображал чуть дольше сестры, но тут и он понял, какого маху дал с «медведем». Он сконфуженно хрюкнул и посмотрел вниз, в долину ручья, где виднелся «медвежий холм».

– Так это твоя берлога?

– Нора, – поправил друга Фидо. – Ага, под поваленным деревом... – В его глазах появилось удивление, брови поднялись «домиком». – А вы разве не знали? Да нет, ты меня разыгрываешь!

Ури медленно покачал головой.

– Нет, не знали...

– А кого же вы тогда кормили?

– Ме... Медведя – с трудом выдавила Фьор сквозь смех. И, вытирая смешливые слёзы, принялась объяснять: – Понимаешь, мы здесь случайно оказались – тебя, между прочим, искали... А тут – парок из-под снега... Ури и решил, что это медвежья берлога. – И она рассказала всё, как было, и как они боялись, что медведь встанет из берлоги среди зимы и наведёт ужас на всех местных обитателей.

Брат не прерывал её рассказа. Он всё ещё чувствовал себя довольно глупо от того, что так ошибся. Но Фидо, взглянув на него, легонько толкнул в плечо и тихо сказал:

– Спасибо, друг! Если б ты не заметил парок из-под снега, очень скоро его бы уже не было... и меня вместе с ним. Я ведь уже встать не мог.

– Это она первая заметила, – кивнул Ури в сторону сестры. – А что, действительно так плохо было?

– Не то слово, – вздохнул Фидо, в то время как глаза его устремились на бурую лисичку, и в них отразились по меньшей мере тысяча «спасибо».

Он поведал друзьям о том, что у него не выдалось с охотой с начала зимы – просто не везло! А потом он и вовсе заболел, провалившись в холодную воду – с трудом дотащился до норы. И от постоянного недоедания сил у него уже не было совсем, поэтому он всё спал да спал...

– Так что если бы не вы, эта зима оказалась бы для меня последней, – закончил Фидо свой грустный рассказ.

Фьор украдкой вытерла выступившие слёзы (эти были уже не от смеха, а от сострадания к другу), а Ури потрясённо протянул:

– Да-а... Хорошо, что сестра у меня такая ответственная – приспичило ей медведя кормить... – Он оценивающе-серьёзно взглянул на худющего приятеля и недоумённо повертел

головой: – А что ты нам-то не сказал? Небось, не дали бы тебе пропасть с голоду! Ты для нас гораздо важнее медведя!

– Не знаю... Постеснялся, – признался Фидо, глядя вниз, на кончики передних лап. – Вы же не сами еду добываете. А родители...

– ...никогда бы не отказали, – горячо перебила его Фьор. – Ты это знай! Вот видишь, – повернулась она к брату, – как плохо, когда каждый держит всё про себя! Среди друзей не должно быть секретов!

– Пожалуй... – Ури смущённо поскрёб за ухом, вспомнив, что сам не сразу решился рассказать Фидо про «подшефного медведя». – Уж важных – так точно...

– Никаких! – убедительно произнесла сестра. – Давайте дадим друг другу слово...

– Честное лисьё слово, – тут же отозвался Фидо.

А Ури вдруг вспомнил что-то:

– Ты говорил, что только вчера точно узнал, что это мы, – обратился он к другу, – ну, когда рябину увидел...

Фидо застенчиво взглянул на друзей.

– Потому что я сам её и принёс... для Фьор, – тихо ответил он.

Теперь смутилась Фьор. И обрадовалась одновременно.

– Спасибо...

Ури, который терпеть не мог такие моменты, когда все смущаются, и когда слишком много всяких «спасибо» да «пожалуйста», тут же решил поговорить о другом.

– Кстати, мы с Фьор решили тренироваться в охоте – чтобы самостоятельно кормить... медведя. И как раз шли к тебе, чтобы всё рассказать, – заявил он.

– Я с вами, – обрадовался Фидо. – И хотя медведя у нас нету, потренироваться никогда не мешает. А вместе это к тому же гораздо веселее!

– Честное лисьё слово, – торжественно произнёс Ури. И Фьор кивнула.

Глава 3. Рыбалка

В лес пришла весна. Это произошло как-то вдруг. Только вчера под деревьями лежал серый снег – сыроватый, зернистый – в который проваливались лапы. А по утрам образовывался жёсткий наст. Бежать по нему, конечно, легче, но здесь существует другая опасность: о ледовую корочку можно поранить лапы (знаете – нежную кожу между подушечкой и пальцами), и даже до крови. В общем, казалось, что зима задержалась, и никак не уйдёт.

И вот – наконец-то... Появились проталины. Они расширялись с каждым днём, сливались между собой – земля освобождалась от снега. Вскоре он остался только в самых тенистых уголках леса, да по оврагам.

Остатки снега таяли на глазах, превращаясь сначала в жидкую кашу, а потом и в воду, наполнившую до верху бурливые ручьи. Ох, и здорово же они пели, стекая по камням маленькими водопадами! Как будто переговаривались, перекликались со всеми жителями леса: «Ура-ура! Вот и мы! Кто хочет пить? А кто сможет нас догнать?»

Трое лисят – Фьор, Ури и Фидо – по-настоящему сдружились за зиму. И хоть случались порой между ними трения (в основном из-за Ури – очень уж взрывной был у него характер), теперь они были настоящей командой. Всё они делали вместе: и с ледяной горки катались, и мышковали – то есть, охотились на мышей, и на звёзды ночами любовались. Ну, смотреть на звёзды – это, конечно, Фьор больше любила, а мальчишки – так, поддержать компанию.

Как-то ясным утром, когда солнце, казалось, решило окончательно изгнать из леса остатки зимы, лисята бегали наперегонки вдоль ручья. Бросали в поток сухие листики и шишки, а потом старались их обогнать, добегая до того места, где большой ручей, вобрав в себя несколько маленьких, вливался в озеро.

На озере ещё был лёд. Только вдоль берега появилась полоса свободной воды, неширокая пока; такую перепрыгнуть – раз плюнуть.

Ури, остановившись на берегу, задумчиво смотрел на озеро.

– Ну, что ты застрял?! – крикнула ему Фьор. – В этот заплыв шишка Фидо первая пришла! Бежим, попробуем ещё раз!

Но Ури будто не слышал её, продолжая рассматривать озёрный лёд.

– Что ты задумал? – спросил Фидо, знавший друга лучше, чем свои пальцы на передних лапах.

– Да вот думаю, – обернувшись к нему протянул Ури, – не отправиться ли нам на рыбалку?

– На рыбалку? – удивился Фидо. – Как это? До лета ещё подождать придётся.

– Зачем ждать до лета! Можно и сейчас!.. – живо откликнулся Ури. – Знаешь, я вчера слышал, как Перфидо похвалялся, что он рыбы до отвала наелся – вот не далее, как пару дней назад.

Приятель недоверчиво фыркнул и махнул хвостом. А Фьор подошла поближе – послушать, о чём толкуют ребята.

– Ну, Перфидо соврёт – не постесняется! Откуда у него рыба?

– Так люди-рыбаки на озеро приезжают, сверлят дырки во льду и рыбу удят. Вы что, никогда не видели?

Фидо поёжился.

– Знаешь, с людьми я бы связываться не стал. Опасно это. И как Перфидо у них рыбу стащил?

– Только не говори мне, что ты трус! – прищурился Ури. – Нет-нет... Я-то как раз знаю, что ты совсем не трус, – тут же поправился он, – но странно, что ты не хочешь поучаствовать в приключении... Которое к тому же сулит нам роскошный обед.

– Если в нём замешан Перфидо – точно не хочу, – твёрдо сказал Фидо.

– И я... – подтвердила Фьор.

– Да при чём здесь Перфидо, – нетерпеливо дёрнулся Ури. – Мы сами пойдём рыбу добывать. Без никого.

– Куда пойдём? – осторожно поинтересовался Фидо.

– Так на озеро же... недогадливые вы недотёпы!

– Ой, братец, не ходи на лёд! Ну пожалуйста! – тут же взмолилась Фьор. – Вдруг провалится! Как же я без тебя останусь!

– Ты тоже боишься? – взглянув на Фидо, спросил Ури.

Тот колебался. Хотя Фидо и был разумным лисёнком, он всё же был лисёнком-мальчиком, и в глазах его уже зажглись огоньки приключения.

– А как же мы рыбу из-под льда добудем? – раздумчиво произнёс он.

Ури одобрительно усмехнулся.

– Ну вот, теперь я слышу правильные речи. И по делу... Ты что, забыл? – продолжал он. – Рыбаки же во льду лунки понаделали! Рыбы туда дышать подплывают. Ещё бы... когда всё зиму толком не дышали! Так и задохнуться можно... Ну, а мы...

– Проявим ловкость и выдержку, – с азартом подключился приятель. – К тому же я знаю, как ещё можно рыб подманить!

– Как?!

– Червяков им туда спустим. Надо под корягой посмотреть – вон она, под бережком... Там земля на припёке давно оттаяла.

– Ух ты! Молодец! – одобрительно кивнул Ури. – Пошли за червяками. А ты, – обернулся он к сестре, – нас тут дождайся... Раз трусишь. Мы тебе рыбы принесём... – и добавил с хитрой улыбкой, – если останется.

– Ничего я не трусю! Тьфу, не трушу! – обиделась Фьор. – Я просто... опасаюсь. За вас.

– За нас?! – захохотал Ури. – Можешь не опасаться. Жди на берегу.

– Ничего подобного, – возразила Фьор. – Я иду с вами.

Под корягой и впрямь нашлось несколько червяков. И ещё пара больших чёрных жуков, которые видимо залезли туда зимовать. Что ж, перезимовали-то они вроде благополучно, но весна началась крайне неудачно – вернее, тут же для них и закончилась. Потому что лисята забрали их всех с собой, на корм рыбам, которых, в свою очередь, собирались съесть сами. Что поделать – таков закон природы.

Для того, чтобы попасть на лёд озера, надо было разбежаться и прыгнуть. А для этого нужны были все четыре лапы. Поэтому рыбий корм пришлось куда-то положить – а именно, за щеку. Фьор сделала страдальческие глаза, и мальчишки взяли это на себя: Ури забрал червяков, а Фидо – жуков.

Двое лисят перемахнули через полосу воды мигом, не раздумывая. А Фьор замешкалась. Хоть она и говорила, что ничего не боится, и следовала всегда за мальчишками, если честно, ей всё же было немного боязно – и прыгать через воду (вдруг не допрыгнешь!), и ходить по тонкому льду (а ну, как провалишься!). Как известно, страх – он всегда мешает, сковывает: и мысли – они делаются медленными и неповоротливыми, и движения – которые становятся неуклюжими.

Вот и Фьор, в борьбе со своими страхами, стала чуть менее ловкой и быстрой, чем была обычно. К тому же, прыгая, она закрыла глаза, чтоб не видеть тёмной холодной воды, над которой пролетала, и это было уж совсем ни к чему. В результате она, конечно, перепрыгнула, но хвостом угодила-таки в воду. Самым кончиком, а всё равно – неприятно.

Ури, увидев отряхивающуюся сестру, начал было над нею подтрунивать – что вот, мол, все девчонки такие – не могут пустячной лужи перепрыгнуть. Но Фидо серьёзно сказал:

– Фьор, ты просто молодец! Не каждая взрослая лисица решится прыгнуть на лёд! А ты – не побоялась, и смогла. Хвост – не беда, скоро высохнет. Ты побегай...

И Фьор стала бегать. Она уже не боялась провалиться под лёд, он оказался гораздо прочнее, чем она думала, стоя на берегу. А от слов Фидо ей стало так легко и радостно, что намокший хвост больше не обременял её.

Ури и Фидо отошли по льду далеко от берега – они искали лунки, проделанные рыбаками. И вот один из них радостно подпрыгнул и замахал лапами – нашёл, нашёл! Второй тут же подбежал к нему, и они принялись осуществлять свой план.

Как выяснилось, Ури, шастая по льду, нашёл ещё и кусок лески, оставленной кем-то из людей. Так что лисята не просто опустили червяка в лунку, как намеревались вначале, а ещё и привязали его к леске, как заправские рыбаки. После чего они замерли, приготовившись к долгому ожиданию.

Однако очень долго томиться им не пришлось. Видно, рыбы и впрямь устали жить под толстым слоем льда, без еды и воздуха, и их так и тянуло к проделанной во льду дырке. Быстрый взмах лапы, прыжок – и на ледяной поверхности озера запрыгала, серебрясь в лучах солнца, маленькая рыбка.

– Ура! – дружно закричали лисята.

Но Ури тут же прекратил всеобщее громкое торжество.

– Тише! – сказал он остальным, прыгавшим вокруг него от радости друзьям. – А то остальные рыбы услышат и разбегутся.

– А разве рыбы слышат? – неуверенно спросила Фьор. – Я думала – нет. У них же ушей нету.

– Всё равно – слышат. Не знаю уж чем, но... В общем – тихо!

Остальные послушались, и вокруг лунки вновь наступило напряжённое, но тихое, ожидание.

Вторую рыбку дожидались довольно долго, и она оказалась ещё меньше первой.

– Ничего... – удовлетворённо проворчал Ури, – следующая будет поздоровее.

– Да и эти очень даже хорошенькие, – отозвалась Фьор. И робко предложила: – Может, съедем их сразу? Сил нет вот так сидеть и смотреть на них.

– Вот выловим хотя бы третью – тогда и съедем, – резонно возразил Ури. – Чтоб каждому по целой рыбе досталось. А то что тут делить – мелочь одна.

И третья рыба не заставила себя долго ждать. И четвёртая, и пятая... А потом ещё и шестая, и седьмая. А уж восьмая! Она была крупнее всех – просто загляденье! Лисята так увлеклись рыбной ловлей, что не видели ничего вокруг. Глаза их были прикованы к лунке, и только к ней. А оглядываться им не мешало бы, хотя бы иногда, время от времени. Потому что тогда неприятности не застали бы их врасплох.

Наконец, Фидо услышал за спиной сдавленный смешок и оглянулся. Перед ними стоял Перфидо, собственной персоной, и с ним ещё один, которого уже и лисёнком назвать было трудно – скорее, молодой лис – здоровый и наглый. И эти двое смотрели на молодых лисят с недобрыми усмешками, не сулившими тем ничего хорошего. Все пока молчали – каждый оценивал силы противника и прикидывал, как лучше действовать.

Первым заговорил Перфидо:

– Вы что это на нашем озере делаете? И рыбу нашу ловите!

– Это с каких пор озеро стало вашим?! – возмутился Ури. – А рыба – и вовсе, сама по себе! Ничья.

– Ах, вот как? – протянул Перфидо, переглянувшись с приятелем. – Придётся показать этим соплякам, чья в озере рыба. Да, Булло?

Тот кивнул и сделал шаг в сторону рыбы, лежавшей неподалёку.

– Только попробуй!.. – тихо, но с угрозой проговорил Фидо, становясь плечом к плечу рядом с Ури. Ясно было, что сдаваться лисята не собирались.

– Смотри-ка, Булло! Они нам угрожают! Ой, боюсь-боюсь... – воскликнул Перфидо и издевательски захохотал. – А если вот так?..

Он сделал молниеносный прыжок – но не к рыбе, а к Фьор, стоявшей неподалёку и замершей в оцепенении. Страх опять сыграл свою роль, и лиска не успела увернуться. Перфидо схватил её и резко дёрнул, сбив с ног.

В тот же момент на него прыгнул Фидо, бросившийся на выручку подруги. Ури же бесстрашно встал перед здоровенным Булло, перекрывая ему доступ к наловленной рыбе. Тот попытался обойти храбреца, но Ури был начеку и не уступал. И вскоре они сцепились, как пара мартовских котов, завывая и оставляя на льду клочья шерсти.

Силы были явно неравными, и Ури пришлось бы совсем худо, не приди ему на выручку Фидо. У приятеля появилась такая возможность, поскольку противник его толком не принял боя – ускользнул и побежал прочь, бросив Фьор, которая от удара об лёд на какое-то время потеряла сознание.

Но, конечно же, это была хитрость, на которые Перфидо был горазд. Далеко он не убежал. Увидев, что оба лисёнка еле выдерживают оборону и им в эту минуту совсем не до него, хитрец тут же вернулся. Тихонько утащил самую большую рыбу и стал торопливо её есть. О своём напарнике он нисколько не думал – пусть тот разбирается пока с этими сумасшедшими лисятами, а уж он, Перфидо, своего не упустит. На Фьор же он и вовсе не обращал никакого внимания, считая её исключённой из игры одним своим метким ударом.

Однако лисята-девочки тоже бывают очень даже смелыми и самоотверженными, хотя некоторым задавакам это и невдомёк. Поэтому для Перфидо было полной неожиданностью, когда Фьор, чуть придя в себя и увидев перед собою вора, пожирающего их честно добытую рыбку (да ещё и самую большую из всех!), кинулась на него и вцепилась зубами в его заднюю лапу.

От неожиданности Перфидо заверещал и бросил свою добычу. Но увидев, что перед ним всего лишь Фьор, злобно ошетинился и пошёл на неё, намереваясь обратить в бегство одним лишь своим грозным видом. К его изумлению, Фьор никуда не побежала. Шерсть у неё на загривке тоже стала дыбом, носик сморщился и верхняя губа поднялась, обнажив мелкие зубки – вполне остренькие, как уже убедился Перфидо. В глазах лиски зажглись огоньки, не обещавшие нападавшему лёгкой победы. Теперь она была готова к схватке.

И Перфидо дрогнул. Он не принял честного боя. Сделав обманное движение влево он прыгнул вправо, намереваясь обойти Фьор сбоку. Но та была начеку и повторила его манёвр. Тогда Перфидо прыгнул влево – и Фьор туда же. Так они и кружили по льду, всякий раз оказываясь мордой к морде, с оскаленными зубами – никто не уступал.

Но вот краем глаза Перфидо заметил, что в процессе их передвижений большая недоёденная им рыба оказалась у него за спиной. Тогда он быстро повернулся, схватил рыбу и бросился наутёк, к берегу.

Фьор по инерции сделала два прыжка ему вслед, но тут же остановилась, сообразив, что лучше спасать ту добычу, которая ещё осталась, чем искать ветра в поле. Видя, что друг и брат её поглощены дракой с напавшим на них Булло, Фьор быстро собрала оставшуюся рыбу, нанизала её на леску и опустила под воду, в лунку, сделав на оставшемся конце лески петельку, которую надела на вбитый кем-то из рыбаков колышек у края лунки.

«Ну вот, теперь наш улов надёжно спрятан, и его не так-то легко утащить», – удовлетворённо подумала Фьор.

Она уже собиралась было отважно броситься в драку, на помощь своим, но перед тем оглянулась – не видел ли кто, как она прятала рыбу, и вдруг... Фьор видела, как росшее у

самого берега огромное дерево медленно-медленно наклоняется и затем всё быстрее падает в сторону озера.

Это дерево давно грозило упасть – большая часть оголённых его корней висела в воздухе, над водой. Лисята летом прыгали на них и раскачивались, как на качелях. И это было весело. А теперь – Перфидо подкопал корни, ещё остававшиеся в земле и удерживавшие этого гиганта в вертикальном положении. Может, он просто хотел побыстрее спрятать рыбу, чтобы успеть вернуться на лёд и украсть следующую. А может... Впрочем, сейчас это уже было не важно – по какой причине. Важно было другое.

От сильнейшего удара лёд треснул и трещина быстро побежала вперёд, отделяя льдину, на которой дрались лисята, от той, где стояла возле лунки Фьор.

Лиска громко закричала, и клубок дерущихся распался – они и сами уже почувствовали толчок под ногами от расколовшегося льда и теперь стояли, оторопело глядя на расширяющуюся полосу тёмной воды.

Первым опомнился Булло. Он стремглав бросился к краю льдины и мощным прыжком перепрыгнул трещину. Не останавливаясь, он ринулся к берегу мимо застывшей Фьор, рывкнув на бегу: «Беги, дура!». Добежал до рухнувшего дерева, по нему перебрался на сухую землю и исчез в лесу. Перфидо давно не было видно – наверное, он удрал, как только упало дерево.

Фьор в ужасном волнении смотрела на Ури и Фидо – что же они медлят?! Трещина ведь растёт с каждым мгновением – скоро они уже не смогут её перепрыгнуть!

– Ну, скорее же!.. – дрожа от нетерпения и страха, выкрикнула она. Голос изменил ей и сорвался.

Но лисята не двигались: Фидо тяжело опустился на лёд, а Ури стоял над ним, внимательно что-то рассматривая.

– Кажется, у него две лапы сломаны! – наконец, крикнул он сестре. В голосе его слышалось отчаяние.

Фидо с трудом поднял голову, оглянулся и слабо крикнул Фьор:

– Беги! Беги, пока не поздно... Не жди... – и уронил голову обратно.

Фьор стояла в оцепенении. Что делать?! Бежать, спастись – как ей сказал Фидо, и даже хулиган Булло? А как же Ури и Фидо? Неужели им уже не спастись? Вода в озере ледяная, до берега так далеко... Даже если попробуют вплавь – шерсть намокнет, станет тяжёлой и потянет ко дну... А если у Фидо ещё и лапы сломаны, он точно утонет... Бедный, бедный Фидо!..

Лиска почувствовала, что из глаз её потекли слёзы. Она никакая не плакса, о нет! Никогда не была плаксой. Но сейчас...

Фьор оглянулась. Она-то легко могла добраться до берега – вон он... Добежать до дерева и по нему выбраться, как это сделал Булло. Но разве будет она ещё когда-нибудь в жизни счастлива, если на свете не будет больше брата и друга?! Нет! Без Ури и Фидо ничего не имеет смысла. Спастись – так всем... И погибать – тоже...

Подумав так, Фьор вдруг успокоилась и подобралась. Должен, должен существовать какой-то выход!

– Фьор, ты меня слышишь? – донёсся до неё сквозь шум в ушах голос брата. Видимо, он не в первый раз окликал её. – Нам нужна большая крепкая доска... или дерево. Не маленькое.

– Дерево? – отозвалась Фьор, – Не маленькое? Но как я притащу его сюда? И я не смогу перекинуть его к вам – ваша льдина уже очень далеко.

– Не надо ничего тащить и перекидывать! – крикнул Ури. – Его надо столкнуть в воду и приплыть на нём сюда. Чтобы мы могли перевезти на берег Фидо.

Боже! Плыть верхом на дереве! Раньше такая мысль привела бы Фьор в ужас – ведь в такой ситуации обязательно вымокнешь! И хорошо ещё, если ты поплывёшь на дереве, а то ведь оно бывает, что и переворачивается... И тогда уж непонятно – кто на ком плывёт. Но это

было раньше. Сейчас Фьор пришла в восторг от находчивости Ури. Наверное, это единственный путь к спасению. Конечно, скорее на поиски дерева!

– Бегу-у! – крикнула она, срываясь с места.

Но что это? Видимо, солнце сегодня принялось жарить не на шутку и решило срочно растопить весь озёрный лёд. Пока они переговаривались, её льдина тоже раскололась и теперь между островком Фьор и прибрежной льдиной чернела расширяющаяся полоса воды. Однако, времени на страхи не осталось. Нужно было срочно выбираться самой и спасать-спасать-спасать... Поэтому Фьор ловким прыжком перемахнула на соседнюю льдину, а потом – на ветвистую макушку упавшего гиганта, которая уже тоже полоскалась в воде, съехав с отплывающей льдины.

Эх, если б столкнуть его целиком в озеро! Это был бы целый линкор! На нём не пару лисят можно было бы эвакуировать, а всех, сколько их ни есть в лесу! Но, увы, такое не под силу одной маленькой лисичке. К тому же, даже если б дерево не лежало корнями на берегу, а плыло по воде – как можно было бы управлять такой машиной, чтоб оно плыло, куда надо тебе, а не туда, куда гонит его ветер и течение? Нет, придётся поискать что-то не столь великое.

Фьор металась по прибрежному лесу, но как назло, ничего сколько-нибудь подходящего не попадалось. Вот когда не надо – например, когда они с друзьями бегали наперегонки – всегда попадалось что-то на пути, что надо было перепрыгивать. Большие ветки и стволы упавших деревьев, не столь величественных, как сегодняшнее, валялись тут и там. А вот когда надо – ну просто хоть плачь!.. Фьор и впрямь была близка к тому, чтобы вновь расплакаться. Вот же ствол! И он очень даже подошёл бы! Но... в одиночку она даже сдвинуть его с места не могла, не то, что докатить до реки...

В отчаянии Фьор вернулась к воде. Где же, где взять ей плавучий корабль, чтобы спасти тех, что были ей так дороги?! Зажмурив глаза, она представляла себе широкую доску, мерно качающуюся у самого берега – да-да, именно такая ей нужна! Сделала шаг, другой... споткнулась и шлёпнулась в воду.

Опять вымокла! Ну вот кто оставляет под ногами всякие доски, чтобы порядочной лисе и пройти было неловко!.. О-ой! Доска?!

Фьор лихорадочно ощупывала под водой то, обо что только что споткнулась. И это была... представьте! – затопленная лодка! Фьор ярко вспомнила, как когда-то мечтала, что найдёт лодочку, или плотик, чтобы поплыть по озеру к солнцу... Теперь ей ещё больше была нужна лодка, и совсем не для того, чтобы стать красоткой, а чтобы спасать!.. И глядите – вот она! Но позвольте, почему же она затопленная?! Неужели в днище у неё – дырка?

Подумав об этом, Фьор просто застонала от огорчения. Ой-ё-й! Так не должно быть! Надо скорее это проверить!

Не обращая внимания на то, что вымокла до самой кожи, она зашла в воду и попыталась выволочь лодку на берег. Куда там! Не подвинулась ни на сантиметр. Впору было вновь отчаяться... Но Фьор старалась, пыхтела, потом вновь влезла внутрь затопленной лодки. И тут ей под лапу что-то попало – что-то лежало на дне. Фьор поднатужилась и вытащила здоровенный камень, который выбросила за борт. Потом ещё один... и ещё... И вдруг лодка, освобождённая от груза, дрогнула и всплыла – чуть-чуть поднялись над водой её борта. Но и этого было достаточно. Значит, она плавает!

Фьор начала лихорадочно выплёскивать из лодки воду – лапами и хвостом, чем попало. Упорство – великая вещь! Вскоре Фьор получила подарок – в виде консервной банки, обнаружившейся под задней лавкой. С банкой дело пошло быстрее.

Лодка оставалась заполненной водой примерно на половину, когда рядом с бортом раздался всплеск и из-под воды показалась мокрая голова. Фьор замерла на минуту, но сообразив, что это не кто иной, как бобрёнок Боб, что живёт на озере тут неподалёку, продолжала свою работу.

– Смотрю, трудишься не покладая лап! – заговорил Боб. – Помощь нужна?

– Помощь нужна всегда, – пропыхтела Фьор, не останавливаясь. Она покосилась на бобрёнка и разочарованно отвернулась: он был существенно меньше самой Фьор и вряд ли от него можно было ожидать реальной подмоги.

– Посудину надо от воды освободить? – деловито осведомился Боб. – Отойди-ка... сейчас быстро дырку к дне прогрызу – сама уйдёт!

– Нет-нет! – испугалась Фьор. – Пожалуйста, не надо! Мне нужна целая лодка! Вон видишь – там, на льдине – мои друзья. У одного из них сломаны лапы... кажется... и мне нужно их переправить на берег... как можно скорее.

Бобрёнок прищурился, глядя против солнца на далёкую льдину, где тёмными точками виднелись лисята.

– Да-а... Попали в переплёт... – по-взрослому протянул он. – Ты всё ж отойди. Я с водой лучше справлюсь – это ж моя стихия.

Фьор нехотя вылезла из лодки, недоверчиво поглядывая на Боба, а тот мигом туда влез и р-раз! – своим плоским хвостом пустил такую волну, перехлестнувшую через борт, что лодка так и заходила ходуном.

Да уж... Фьор даже с банкой не сделала бы и половины работы за то время, за какое с нею справился шустрый бобрёнок. Ему явно в удовольствие были игры с водой (в отличие от Фьор). Вскоре абсолютно мокрая, но свободная от воды лодка покачивалась у берега.

– А теперь поплыли! – азартно воскликнул Боб.

Фьор влезла в лодку и взялась за весло, которое нашлось тут же, прикрученное к лавке. Лиска подумала, что бобрёнок собрался плыть с нею в лодке, но она ошиблась. Тот ловко выпрыгнул за борт и нырнул под воду. И тут же Фьор ощутила энергичный толчок в днище, отогнавший их судёнышко от берега.

Так они и продвигались: Фьор правила веслом, а Боб толкал снизу. Льдин теперь было множество – лёд раскалывался на глазах. Проплывая мимо одной из них, Фьор вдруг заметила знакомый колышек. Теперь он торчал совсем близко от края льдины. Искушение было велико, и Фьор застучала в днище лодки, вызывая Боба. Тот вынырнул сразу и появился над бортом, вопросительно глядя на лиску:

– Что, не туда плывём?

– Плывём, куда надо – всё правильно... Только можешь на минутку придержать лодку возле этой льдины? Мне выйти надо... Я быстро!

Бобрёнок фыркнул:

– Ну, нашла время! Могла бы прям из лодки... Я не смотрю...

Фьор смутилась:

– Да я не... не поэтому... я сейчас... – и проворно выскочила на лёд.

Ей хватило минуты – нет, даже двадцати секунд – чтобы вытащить леску с наловленной рыбой, забросить её в лодку и плюхнуться туда самой. Было самое время отчаливать – от лёгкого толчка льдина за нею раскололась и осколки разошлась в разные стороны.

Боб неодобрительно покачал головой:

– Рисковая ты!.. Могла уже под воду уйти! Да и друзья твои... успеем ли?

Фьор в ужасе посмотрела на льдину, где маячили Ури и Фидо. А вдруг она тоже вот так – возьмёт и расколется?! Ну как она могла задерживаться, даже ради добычи?! Фьор в сердцах пнула связку с рыбой и та улетела на корму, под лавку.

Льдина и вправду уже сильно уменьшилась в размерах – обкололась по краям, но пока держалась.

– Боб, миленький, можешь чуть сильнее толкать? Чтоб скорее... – взмолилась Фьор.

Бобрёнок проворчал что-то, исчезая под водой, и толчки возобновились с удвоенной силой. Боб старался вовсю, и Фьор гребла изо всей мочи, бормоча, как заклинания:

– Солнышко, подожди! Не топи нашу льдину!.. Солнышко, подожди...

Но солнышко подождать не могло. Оно светило, как умело. Пришла пора льду растаять – и он таял. На глазах.

Казалось, время тянется и тянется, а они всё плывут и плывут... И вот – ура! – лодка ткнулась в ту льдину, на середине которой скорчились двое лисят.

Они не шевелились, и это, по-видимому, спасло их. Однако, от толчка лодки чуть было не случилось беды: налитый водой ноздреватый лёд стал крошиться, льдина, совсем уже небольшая, накренилась, грозя перевернуться и сбросить несчастных в воду. И если Ури мог бы ещё как-то выплыть и забраться в лодку, то для Фидо это была верная смерть – с переломанными лапами не поплаваешь...

Вот как бывает: вот она помощь, подоспела – лодка приплыла, а как принять эту помощь – то есть, попасть в эту самую лодку – непонятно. Подойти к краю льдины – так либо истончившийся лёд поломаётся, либо вся льдина перевернётся. Вот и смотрели лисята друг на друга: двое со льдины – застыв в тоске отчаяния, а единственная в лодке – с ужасом и растерянностью.

И тут бобрёнок Боб проявил смекалку. Вынырнув у края злополучной льдины, он закричал:

– Ну, что вы тут, совсем приморозились? Или наоборот – солнце мозги растопило? Глядите, ваша льдина скоро растает!

Это лисята понимали и без бобровой подсказки, но только что они могли предпринять?

– Зря, что ль, мы к вам столько плыли? – продолжал разоряться Боб. – А ну, лиска, давай весло – клади его рукояткой на борт, а лопастью – к этим замороженным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.